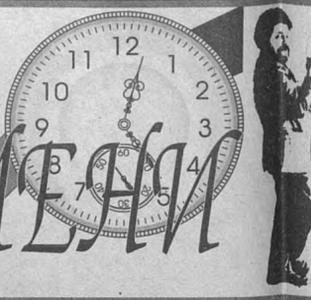

ПРОГУЛКИ ВО ВРЕМЯ

ПОЭТУ — ШЕСТЬДЕСЯТ!

Когда я думаю о Саше Аронове, меня не оставляет ощущение дружеского и никогда не забываемого долга. Дело в том, что для молодых поэтов конца шестидесятых — начала семидесятых Александр Аронов был самым настоящим мэтром. Он работал в газете «Московский комсомолец», и его знали все. Я не преувеличиваю. Шли годы. У многих из нас выхолили книги. Сашина книга опаздывала, но независимо от него причина, но зато вся Москва пела песни, написанные на его стихи. Пусть многие не догадывались об этом, но Александр Аронов был на самом деле знаменитым в узких литературных и широких народных кругах.

Не забываю и в то, что, когда я подарил Аронову одну из своих первых книг, он как-то легко и доброжелательно написал на нее рецензию. Потом получил так, что написал и журналу. Когда я — через много лет — хотел напечатать рецензию на его книгу в «МК», он сказал, что раз он работает в «МК», хвалить себя в своей газете не стоит... И ульнувшись своей абсолютно дружеской, открытой улыбкой. Что я мог возразить? Сегодня мы все возвращаем нас давний дружеский долг одному из самых на-

дежных и талантливых шестидесятников, поэту, журналисту, обозревателю «Московского комсомольца». Такую я знаю улыбку, которые отбывают в газете только это имя, и уверен, что таких людей немало.

Сегодня Александра Яковлевича Аронова поздравляют со шестидесятилетием его друзья, его коллеги, все его знакомые и незнакомые читатели. Многие меняются, но остаются вечные ценности человеческой жизни — любовь, доброта, надежда, а также любовь к поэзии, творчество, радость общения, надежда...

Давайте поэтам на труды и дни этого замечательного человека, талантливого поэта и первоклассного журналиста, попробуем хотя бы отчасти проследить орбиты его судьбы и вчитаться в разбросанные на жизненном пути листки блокнота с его стихами.

Мы все поздравляем тебя с шестидесятилетием! Живи долго и счастливо, пиши стихи и все, что ты захочешь написать сам. Ты умеешь это делать!

Твой старый друг Сергей МНАЦАКАНЯН.

Александр Аронов как неопознанный нелегальный объект

В конце 70-х годов я изрядно подустал от своей вольной, полуполудневной институтской жизни. А тут еще ко мне подошел тогда вечно бездомный поэт Александр Юдакин. Стипендии не хватало и на одного, а на двоих... На нас напал мор. Юдакин предложил продать мою библиотеку. Я отказался (уж лучше сдохнуть) и посоветовал ему продать мой рассказ «За что я люблю Кукушкину».

Юдакин скептически хмыкнул, ноopus забрал и куда-то удрался. Я тогда пошел пожевать свежего воздуха. Когда вернулся, соседи сообщили, что из «Московского комсомольца» звонил сам Александр Аронов и просил срочно приехать.

В уютной редакционной комнате сидел «белый негр», время от времени смеющийся сам для себя.

Представился. Человек с африканскими чертами лица дико обрадовался: — Это вы любите Кукушкину? Ваш рассказ стоит в номере!

Захотелось уйти, но слова Аронова пахли реальными шами и бирфлексом. И я только огрызнулся: — Не я, а мой герой. — Ну, это одно и то же, все мои герои в моих стихах — это я. Слушай, давай на ты? Он достал истрепанную записную книжку, прицелился в меня взглядом и выстрелил: — Тебя как записать? Жаворонков Г. или Геннадий Ж.?

— А ты все равно А.А., — на всякий случай зашился я.

Аронов заржал. Потом умолк и опять прицелился глазами: — Слушай, а я ведь тебе еще своих стихов не читал. А ну-ка, садись. Я с удивлением вслушивался в его звонкое бормотание. Это было царственное откровение. Каждое стихотворение — философская новелла. Изумление жизнью.

Мы подружились. А уже через неделю мне казалось, что я знаю его чуть ли не в лицо. Удивительно, как в нем уживались бунтарь и раб.

Все понимая про идиотизм строя, он служил ему верно и даже активно. Бунтарь был поэтом, раб — человеком, охраняющим поэзию. Строй — временщик, поэзия — вечность.

Любил открывать таланты в других. Щедро раздавал им себя.

Ученики вскорости становились мэтрами (или полумэтрами), имеющими по десятку сборников.

Аронов долго оставался бесконечным поэтом. За себя просить не умел и не желал, ждал, когда «зовут» сами.

Сами не звали... А Саше словно бы хватало небольшой людской аудитории, которую он даже не просил оценить свои стихи. Просто разговаривал с ней стихами, не спускаясь.

(Что говорить со страной? Она — предмет неодушевленный!)

Хотя в душе Аронов, конечно же, желал чьей-то доброй оценки. Однажды пересказал мне свой сон: «Вхожу в ЦДЛ, и в вестибюле стоит Александр Блок и смотрит куда-то мимо меня. И вдруг его взгляд потух. Я обернулся. В Доме литераторов бежал Пушкин и, ни на кого не обращая внимания, проследовал в ресторан. Блок подошел ко мне и тихо сказал: «Пойдемте, Саша, выпьем чего-нибудь...» Выдумал, конечно же, Аронов этот сон. Так складно не снится. Так мучительно думается.

Вообще, выдумщиком он всегда был классным (наверное, в детстве был бездельным вралем).

Назвал улологом выдумать теорию ушелевца. Какие там еще пришельцы? И жены не у всех, и негде брать любимых...

В семейной жизни ему упорно не везло, пока не встретил Танию. Переживал он это тихо, в себе, в стихах.

Наверное, потому так пронзительна его лирика.

Его журналистика — целая эпоха, ароновщина. И редко кто избежал ее влияния.

В какой-то момент стал тягоститься молодежной газетой, хотел уйти туда, где поэзия, посольничье.

Хватило ума не уйти от вечной молодости.

Аллаверды Александру Аронову

Юбилей Саши Аронова поставил меня в сложное положение. Только что вышла моя книга «Последний долг». Саша откликнулся на нее в своей колонке в «МК». Как к нему попала моя книга — я узнал из публикации (я ему еще не дарил). Сашина рецензия почти совпала с моим днем рождения: 2 августа мне исполнилось 65. Ему сегодня — 60. Стало быть, аллаверды? Приветствия и поздравления Аронова, отвечая ему в его стиле.

В основе его стиля — хорошо продуманная конструкция того, о чем он пишет. Но в процессе письма он что-то из этой конструкции выпускает. В надежде на умного читателя, который все поймет. Технический вариант того, что делает Аронов, — это сборка автомобиля. Хоп — поставил кузов. Хоп — поставил дверь. Хоп — поставил колеса. Хоп — поставил колесо. Чего не хватало? Колеса? Поставил и поехал. Нет, еще нужен руль. Все, теперь поехали. А мотор? Да, мотор забыли, но тем не менее автомобиль движется. Знает, автор придумал вместо двигателя что-то такое, что заставляет машину ехать. До конца. Господи, конечно, она едет на мысли. Саша, ты же прекрасно знаешь: «Хорошо писать не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает» (Анатолий Аграновский). Вот вам и мотор, и бензин!

У нас много поэтов, публицистов, тележурналистов и просто умных людей. Какое у Аронова место в этом ряду? В поисках ответа пойду его путем: буду брать Аронова. Методом конструирования.

В моей книге «Последний долг» на 301-й странице есть лиричный момент, не замеченный Сашией. Речь о том, как меня принимали в Союз писателей и какое место в журналистике из трех Анатолія ПЕРВЫЙ, а себя — в другой «десять». Подчеркиваю: не во второй, а — в другой. Это имеет отношение к Аронову. Продолжаю конструировать.

Есть такая байка. Когда к нам впервые приехал Иегуди Менухин, Давид Ойстрах пригласил его к себе домой. В честь гостя был устроен обед. В конце обеда хозяин не удержался, чтобы не за-

Евгений ЕВТУШЕНКО

Надо всеми громами, погромами Чуть поскрипывает хитро Не уроненное Ароновым Журналистике русской перо.

Помню, как Саша ерошил свою шевелюру, брался за спинку стула и читал стихи. Свои и чужие... Сельвинского, Багрицкого, Пастернака... «Шелка зонтов дашали жаждой грома» — и мы слышали, как звуки «ж» и «ш» шипели и жалели шелк тяжелых грозевыми каплями... От него мы впервые услышали запрещенные тогда стихи Ахматовой и Гумилева.

Саша, сколько же лет прошло с тех пор? Да это было только вчера! И сегодня ты просто справляешь второй раз тридцатилетие! Помнишь, ты читал нам: «Вставайте, граф. Вас ждут великие дела»? Великие дела ждут тебя, Саша!

Остановиться, оглянуться Встановить, а вдруг, на впряме, На том случайном этаже, Где вам доводится проснуться.

Ботанкою по снегу скребя, Остановившись, оглянувшись, Увидеть день, дама, себя И тихо-тихо улыбнуться...

Ведь уходи, чтоб не вернуться, Не я ль хотел перефарши? Остановившись, оглянувшись И никогда не умирать!

Согласен вальс, согласен в степь, Скользящий, исчезнуть, не проснуться — Но дай хоть раз еще уснуть Остановившись, оглянувшись.

БОЛЬШАЯ ГРУЗИНКА 21/2

Быстрей прояснится б сумел, Да умереть, в конце концов, — И не снеси бы, не посели Дом братьев наших и отца.

На дощечке детства, донца дня Казалось, ах, ты, ступень эти, Когда они, как все на свете, Снаешься ждали от меня.

В его мозгу Сибирь, Кавказ, Снег сыплет, как известь. И он выскрипал нас Из жизни и из мозга.

А сам он ась в моем мозгу, Тоска и злоба гудит, И я пока что не могу Убрать его оплуту.

Писать мемуары в восемнадцать лет — все равно что иметь вывих в четырехнацать. Не достает только кресла у кровати, подары и склероза. Однако об Александре Яковлевиче Аронове, любимом учителе, поэте и не побось этого слова, мужчины, я готова говорить всегда, независимо от возраста и времени года.

С Александром Яковлевичем мы познакомились в одном публичном заведении, именном впоследствии Московском колледже современного искусства. Александр Яковлевич волею судьбы пришел преподавать туда газетную журналистику, а я по не менее судьбоносным обстоятельствам решила у него учиться. И не жалую. Потому что более негодного человека, чем Александр Яковлевич, я не встречала за все «школьные годы чудесные». Потеряте заплаченные деньги, включенная шевелюра, выдающийся жи-

Кудри Александра Аронова

Слухи о нем дошли до меня раньше его самого. Было это, наверное, весной 1954 года, то есть ни много ни мало, а сорок лет назад. Я в то пору заканчивал Литературный институт, был всезнающей, полагал, что я в курсе всего, что творится в авангарде современной поэзии (переводом «отрядом» мы, естественно, считали себя, свое поколение, именно оно принадлежал завтрашний день — не ладно там же сталинских премий вроде Грибачева, Сафронова и прочих номенклатурных поэтов!) Короче говоря, мы зрели как шестидесятники с середины пятидесятых годов. У нас уже были свои форварды — Евтушенко, Рождественский, начавшие бурно публиковаться. И вдруг мне говорят — есть такой поэт Александр Аронов, никто его не печатает, он бродит по улицам Москвы, есть никому не известный, но слух о нем опережает его...

И вот мы вместе шатаемся по Москве. Совершенно не помню, кто нас познакомил, где и когда. Воспоминание начинается с вечерней улицы Герцена, мы никак не можем договориться, до одурения общаем друг друга стихами — своими и чужими (почему чужими? — близкими, любимыми) Александр Аронов кажется мне типичным поэтом — он молод, горяч, курчав, алоблен, его сопровождают романтическая аура, он сам по себе, он блистательно одинок, ему горько и сладко от своей обаяющей открытости. Наши лучшие годы еще впереди, нас еще полюбят!

Оказывается, мы оба любители, отношения складываются мучительно, трудно, необычно — банальными (кажется, даже их имена совпали!) загадками, снованными, они порождают в нас целые вихри стихов — немножко блоковских, немножко есенинских, но никак не сурковских или безмясных... Боже мой, какое упорное во взаимных исповедях! Мы готовы создать братство поэтов, несчастно влюбленные! Мы счастливы.

Второе дорожное для меня воспоминание — опять связано с московскими улицами — лет через пять. Я уже стал печататься, а Александр Аронов по-прежнему сам по себе, талантлив и непризнан — свободен, как и полагается поэту. На судьбу не жалует, никому не завидует, просто любит поэзию больше себя самого. И от него я впервые услышал об Иосифе Бродском, он прочитал мне наизусть его «Рождественский романс», верней — пропел, воспроизведя манеру автора. Я был совершенно очарован. Александр торжественно, будто сам сочинил эти удивительные стихи.

Отсюда ясно, что я люблю Александра Аронова, рад его — наконец-то! — книгам, статьям, но любовь моя прежде всего ностальгическая. Я от души желаю молодым поэтам так же, как Александру Аронову — один из прекрасных шестидесятников. Зря стараются очернить это поколение, которое влечет за собой становление первого поколения восточноевропейского романтизма.

Клянусь кудрями Александра Аронова. Кирилл КОВАЛЕВИЧ, главный редактор издательства «Московский рабочий».

Валерий АГРАНОВСКИЙ.

Орлом двуглавым С границей новой на карте — А все Аронов выношат. Но ведь начальство понимало, Когда поэтов зажимало, Что стихотворения строка Сильнее лозунгов ЦК... Но проглядывало, не поймаю — Сочлю, видать, за дурака.

Остановиться, оглянувшись Призвал Аронов наш народ, Что в бурях войн и революций Все время двигался вперед. Остановившись, оглянувшись Перепугались. Отшатнулись. И дружно двинулись назад.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Александр Аронов — один из самых нестандартных фигур в очень богатой современной русской поэзии. Ни в какой ряд его не поставишь, ни предшествующий, ни последующий. Сам по себе. Журналисту, публицисту, автору по себе. Широкому читателю известен скорее как журналист, влиятельный обозреватель влиятельной газеты, первую книгу стихов сумел выпустить в пятидесятых — чем-то — но любители поэзии свое дело знают тут, и вот уже четверть века на творческих вечерах Аронова стоят у стенок и сидят на полу.

Меня с Ароновым помню давней теснейшей дружбы прочно связывает криминал. Конкретно — кража. Я преступник, он жертва.

Из всего, что я написал, по-настоящему знаменитой стала, увы, всего одна строчка — название романа «Остановиться, оглянувшись». Практически она вошла в язык. Права поговорки, то и дело мелькает в периодике, даже Горбачев ее как-то произнес. Видимо, в нашем отечестве, где думать перед поступком не модно и принято сперва выдать, а уж потом поглядеть, куда попал, никогда не исчезнет необходимость остановиться и оглянуться. Красная фраза, жаль, что не моя. Вот ее из неопубликованного стихотворения Аронова и вставил в роман, который тоже не надеялся опубликовать, почему и не говорю ни цитату — два десятка друзей, кому давалась на прочтение рукописи, и без того знали, кто автор.

Сейчас я рассказываю об этом случае не поэту, кто хочешь покататься, а потому что приятно вспомнить. Тем более от покаяния толку юбилею никакого, лапы подольте все равно не удрася, поскольку быть преступником у нас традиционно почетней, чем жертвой, которая всегда сама и виновата, ибо нечего было уши развешивать.

Честно говоря, Аронова часто хочется оскорбить. Ведь «Остановиться, оглянувшись» — самое удачное, но далеко не единственное его произведение. Стихи Аронова полны странной простоты, как и загадочные произведения столь же одиноких в литературе Велемира Хлебникова и Николая Глазкова. В одном из давних стихотворений он по обыкновению парадоксально связал судьбу поэта с судьбой страны: «Если что-то у Блока не так, значит, что-то не так у России». Он не Блок, но профессия та же, по многим его стихам можно предсказывать будущее.

Надо сказать, Аронов интересен не только как поэт, но и как персонаж. Если переписать все легенды и сплетни о российских стихотворцах, то и получится приблизительно то же самое и бесстыдство, образованность и легкомыслие, при этом еще и выпить весьма не дурак — Моцарт российского разлива. Но все неадекватности личности и судьбы удивительно переплетаются в драгоценную ткань поэзии.

Впрочем, о поэте не скажешь лучше, чем он сам о себе:

Гуляю по морю пешком, Стучу о море посощком. Вокруг стелется трех сторон, А с берега кричат: «Силени!» Они завидуют тому, Что я иду и не тону, —

ПАПА, МАМА И Я.

Остановиться, оглянувшись Встановить, а вдруг, на впряме, На том случайном этаже, Где вам доводится проснуться.

Ботанкою по снегу скребя, Остановившись, оглянувшись, Увидеть день, дама, себя И тихо-тихо улыбнуться...

Ведь уходи, чтоб не вернуться, Не я ль хотел перефарши? Остановившись, оглянувшись И никогда не умирать!

Согласен вальс, согласен в степь, Скользящий, исчезнуть, не проснуться — Но дай хоть раз еще уснуть Остановившись, оглянувшись.

ПЕСЕНКА О СОБАКЕ

Когда у вас нет собаки, Ее не отравит сосед, И с другом не будет драки, Когда у вас друга нет.

А ударили грешит басами, А трубочку выжимает медь — Думайте сами, решайте сами, Иметь или не иметь.

Когда у вас нет дома, Когда у вас нет супруга, И жена не уйдет к другому, Когда у вас нет жены.

Когда у вас нету тети, Вам тети не потерять, И раз уж вы не живете, То можно не умирать.

А ударили грешит басами, А трубочку выжимает медь — Думайте сами, решайте сами, Иметь или не иметь.

Александр Аронов в моей жизни

Мы с Вашей Ароновым — тридцать шестидесятники. Со-перья по мировоззренческой. Во-вторых, потому что в нынешнем году нам обоим стукнуло по 60. И в-третьих, потому что подружились в 60-х.

Была у нас тогда развеселая компания молодых журналистов и юристов. Там можно было расслабиться, ответить дураку, побаллагурить, пожулить за двенадцать, ну и, конечно, выпить и закутить. А самое главное — почувствовать себя самим собой и среди своих, кто не продает и не выдает, подышать свободной, уйти на время от свинцовых мерзостей коммуно-советской действительности. Такой крохотный «островок безопасности». Теперь мало кто из нас остался — одни ухажили, другие уехали...

Саша был, что называется, душой этой компании. Без него не обходилась ни одна сходка. И каждая из них заканчивалась его стихами. Он читал их ночью напролет — часто один и те же, часто новые. А мы требовали еще и еще. Мы переписывали их и передавали другим, рассказывали о нем друзьям и коллегам по работе, «пробивали» для него литературные вечера и встречи в своих институтах и редакциях.

Потому что уже тогда было ясно: с нами поэт милостью Божьей, поэт талантливый и мудрый. С удивительным, непотопляемым, неподдающимся взвешиванию взглядом на мир. С безграничной добротой и теплотой. С полнейшим юмором и самоиронией. Поэт-лирик и поэт-философ.

Сашини стихи становились все больше и больше. А его поэты не печатались. За тридцать лет — всего несколько публикаций в периодике и ни одной книги, хотя стихов хватало и на пять. Так и ходил он в «морозы» до седых волос. В день появления его книги вышла лишь в 1987 году, на пятом десятке. И это в то время, когда его стихи «остановиться — оглянувшись» стали нарицательными и цитировались, без ссылки на автора, а пол-страны распевала «Песенку о собаке», не подозревая о том, кто ее написал!

Мог ли Аронов «пробить» свои книги в «застойные» годы? Думаю, мог, если бы очень захотел, тем более, что кое-что из именитых и влиятельных брались помочь. Но для этого надо было просить и унижаться, совершить насилие над самим собой, стать самоцензором и отбирать наиболее «безобидные» стихи, да еще подвергнуть их оскорбительной процедуре селекции со стороны партийно-литературных начальников.

А на это он и так не соглашался. А в последние годы встречаться еще реже, но в всегда возникает, когда мне трудно и плохо. Помню, в конце 70-х настала у меня очередная черная полоса, прошелся по судьбе тяжелый партийно-кагебешный коток, а Саша Аронов появился тут же и, процитировав свои собственные стихи, сказал: «Ничего, еще будет плакать следователи на твоих плечах!» И он же в числе первых звонил мне со своим поддержкой в самые трудные дни марта и октября 1993 года, когда надо было выстоять, выстоять любой ценой... Такое не забывается.

Саша Аронов и сам немало страдал из-за бесконечной тапталы, всевозможных саморазжалости от постоянного чувства раздвоенности между остатками вышесенных идеалов и тупой действительностью, от подлого государственного антиинтеллектуализма. Правда, он скрывал свои переживания под покровом неистощимого юмора — часто черного, — который и был для всех нас самым верным средством самозащиты. Впрочем, иногда и его прорывало. Как-то в тех же 70-х он прислал мне такие стихи:

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА ГОРОЖАНИНА

Я ненавижу продажу, Швейцара, Пястичку, Монтера. Жизнь может кончиться, и скоро, — Что ж, так и будет до конца? Таксист, с рубля не давший сдачи, Не стал от этого богаче. Да забдно, пусть оно горит. И для меня не в деньгах дело. А в том, что он, наглый умелый, Скасило, гад, не говорит.

Как в классе, тянутся уроки. Куда он бился, этой стих? К себе записывать упрехи? Чуть сел — и снова за друзей? Нет, Боже, Пусть орудут смело. Не видят пусть в упор. У нас с Тобой не в этом дело И не об этом разговор.

Пока я здесь, такую кисти, Пока плещут в кино и в востки. Пока мои продвигают души. Пока мерзавцы по дороге, Пока ненасти, злоба, злости Меня невесты и сохрани.

Александр МИКИН В конце семидесятых я соблазнил девицу, читая наизусть стихи Аронова. Ах, — ахали они, — какая прелесть! Это ваши? — Ну что вы, — скромничал я, — это мой друг написал. — А как его зовут? — Саша, — скромничал я. Это был Саша — Аронов.

Еще я благодарен ему за лучшую фразу в своей жизни. Мы стояли в коридоре «МК» на дворе был 1979-й, мы говорили о девушках: — Нет, — сказал я, — второй раз — это ребячество. Ничего более умного с тех пор мне не пришло в голову.

Обложка книги поэта. Москва, 1989 год.